

Рудольф Штейнер

*Воспитание ребенка
с точки зрения
духопознания*

Из GA 34

Современная жизнь зачастую ставит под сомнение то, что человек унаследовал от своих предков. Поэтому она столь богата “вопросами дня” и “требованиями времени”. Какие только “вопросы” не волнуют сегодня мир: социальный вопрос, женский вопрос, проблемы воспитания и организации школы, юридический и медицинский вопросы и т.д. и т.п. К этим вопросам пытаются подходить с самыми различными средствами. Нет числа предлагающим свои рецепты для “решения” того или иного вопроса. При этом заявляют о себе всевозможные оттенки человеческого настроения: радикализм, ведущий себя весьма революционно; умеренное настроение, которое, уважая существующее, хотело бы развить из него новое; консерватизм, тотчас приходящий в волнение, как только касаются чего-то из древних установлений и традиций. И наряду с этими главными настроениями выступают их всевозможные промежуточные градации.

Кто в состоянии глубже заглянуть в жизнь, не сможет отделаться по отношению ко всем этим явлениям от ощущения того, что наше время подходит к поставленным перед людьми требованиям с негодными средствами. Многим хотелось бы реформировать жизнь без действительного познания ее основ. Но кто хочет вносить предложения относительно того, что должно развиваться в будущем, тот не может ограничиваться изучением лишь поверхности жизни, но должен исследовать ее глубины.

Вся жизнь подобна растению, которое содержит в себе не только то, что оно открывает нашему взгляду, но в своих тайных глубинах скрывает еще и свое будущее состояние. Имея перед собой растение, выбросившее лишь первые листья, мы очень хорошо знаем, что через некоторое время на покрытом листвою стебле будут также цветы и плоды. И растение уже теперь содержит в скрытом состоянии предрасположенность к этим цветам и плодам. Но что может сказать о том, как будут выглядеть эти органы тот, кто желает исследовать в растении лишь то, что оно предоставляет взгляду в настоящий момент? Описать эти органы сможет лишь тот, кто ознакомился с существом растения.

Точно так же и вся человеческая жизнь содержит в себе задатки своего будущего. Но чтобы быть в состоянии сказать что-либо об этом будущем, надо проникнуть в сокровенную природу человека. Наше время, однако, никакого истинного стремления к этому не имеет. Оно занимается лишь тем, что появляется на поверхности; оно считает это весьма сомнительным занятием, когда ему приходится проникать к тому, что скрыто от внешнего наблюдения. С растением, конечно, дело обстоит гораздо проще. Человек знает, что такое же растение с определенной периодичностью приносило плоды. Человеческая жизнь имеет место лишь однажды; и цветов, которые она должна принести в будущем, здесь еще никогда не было. Несмотря на это они, как задатки, уже находятся в человеке, так же, как цветы в растении, покрытом в настоящий момент лишь листвою.

Есть возможность сказать нечто об этом будущем, если мы проникнем под поверхность человеческой природы, вплоть до ее существа. Различные реформаторские идеи современности могут быть лишь тогда действительно плодотворными и практичными, когда они вырабатываются из такого глубокого исследования человеческой жизни.

Эту задачу, дать практическое миропонимание, охватывающее существо человеческой жизни, должна принять на себя, по всей своей предрасположенности, духовная наука. О правомерности таковых притязаний того, что сегодня столь часто называют этим именем, речь не идет. Речь идет скорее о сущности духовной науки и о том, чем она, сообразно своей сущности, *может* быть. Она должна быть не серой теорией, удовлетворяющей простое познавательное любопытство, и не средством для некоторых людей, которые из эгоизма, для себя, хотели бы достичь высшей ступени развития. Она может быть

сотрудником в решении важнейших задач современного человечества в его развитии к общему благу¹.

Конечно, принимая на себя именно такую миссию, она должна будет учесть, что ей придется испытать всяческие искушения и сомнения. Радикалы и умеренные, равно как и консерваторы во всех областях жизни должны будут выразить ей свое недоверие. Ибо она прежде всего не сможет угодить никакой партии, поскольку ее предпосылки лежат далеко по ту сторону всяческой партийной суеты.

Эти предпосылки всецело коренятся в истинном познании жизни. Кто познает жизнь, тот сможет ставить себе задачи лишь из самой жизни. Он не станет формулировать произвольных программ, так как он знает, что в будущем будут господствовать те же основные законы жизни, что и теперь. Поэтому духовное исследование необходимым образом со вниманием подходит ко всему существующему. И хотя оно может находить в нем еще очень много того, что нуждается в улучшении, ему никогда не недостает видения зародыша будущего в самом этом существующем. Но оно знает также, что во всяком становлении есть рост и развитие. Поэтому современность представит ему зародыши преобразований и роста. Оно *не изобретает* никаких программ, оно их считает из того, что есть. Но считанное все же становится в известном смысле программой, ибо оно несет в себе природу развития.

Именно поэтому духовнонаучное углубление в существо человека должно предоставить самые плодотворные и в большинстве случаев - практические средства при разрешении важнейших жизненных вопросов современности.

Здесь это должно будет показано в частном случае одного такого вопроса, *вопроса воспитания*. Не надо выставлять требований или программ, надо просто описывать *природу ребенка*. Точки зрения на воспитание как бы сами собой будут получены из существа становящегося человека.

Если мы хотим познать это существо *становящегося* человека, мы должны исходить из рассмотрения *скрытой* природы человека вообще.

То, что изучает в человеке чувственное наблюдение, то, что материалистическое понимание жизни хочет считать в существе человека единственным, является для духовного исследования лишь частью, лишь одним из членов человеческой природы, а именно - его *физическим телом*. Это физическое тело подчинено тем же законам физической жизни, оно составлено из тех же веществ и сил, что и весь остальной так называемый безжизненный мир. Духовная наука поэтому говорит: человек обладает этим физическим телом совместно со всем остальным минеральным царством. И она обозначает как физическое тело в человеке лишь то, что приводит те же вещества, что и в минеральном царстве, к смещению, соединению, формированию и разложению по тем же самым законам, которые действуют также и в минеральном мире.

Помимо этого физического тела человека, духовная наука познает в человеке еще вторую сущность: жизненное или эфирное тело. Пусть физик не смущается обозначением "эфирное тело". "Эфир" - обозначает здесь нечто совсем иное, нежели гипотетический эфир в физике. Его можно принять просто как обозначение для того, что будет описано ниже.

Лишь сравнительно недавно стало считаться в высшей степени ненаучной затеей говорить о каком-то "эфирном теле". В конце восемнадцатого и в первой половине девятнадцатого века это вовсе еще не было "ненаучным". Тогда говорились, что вещества и силы, действующие в минерале, не могут сами по себе создать из него живое существо. Последнему должна быть присуща еще некоторая особая "сила", которую обозначали как "жизненная сила". Считали, что в растении, в животном, в человеческом теле действует такая сила и порождает жизненные процессы подобно тому, как магнитная сила в магните обуславливает явления притяжения. В последующие времена материализма такое представление было ликвидировано. Стали утверждать, что живое существо строится

таким же образом, как и так называемое безжизненное; что в живом организме господствуют те же силы, что и в минерале; они лишь только действуют более сложным образом; они строят лишь более сложные образования.

В настоящее время лишь самые закоренелые материалисты продолжают упрямо отрицать наличие “жизненной силы”. Целый ряд естествоиспытателей провозгласили положение, что надо было бы принять нечто вроде жизненной силы или жизненного принципа.

Таким образом, в определенном смысле и новейшее естествознание подходит совсем близко к тому, что говорит духовная наука о жизненном теле. Однако между ними имеется значительное различие. Современная наука, исходя из фактов чувственного восприятия, путем умозаключений приходит к признанию определенного рода жизненной силы. Но это не тот путь действительного исследования, которого придерживается духовная наука и основываясь на данных которого, она делает свои сообщения. Едва ли можно в достаточной мере подчеркнуть, сколь радикально в этом отношении отличается духовная наука от ходячей науки современности. Последняя рассматривает чувственный опыт как единственную основу всякого знания и отрицает возможность познания того, что не может быть построено на этой основе. Она извлекает свои умозаключения и следствия из чувственных впечатлений. Но все, что выходит за их пределы, она отвергает, и утверждает, что все это находится за пределами человеческого познания. С точки зрения духовной науки такое воззрение подобно воззрению слепого, который хочет признавать лишь то, что доступно осязанию или добыто из осязания путем умозаключений, а сообщения зрячих отклоняет как лежащие за пределами познавательных возможностей человека. Ибо духовная наука указывает на то, что человек способен к развитию, что он может путем развития новых органов завоевать себе новые миры. Как краски и свет окружают слепого, а он лишь не может их воспринимать, не имея органа для этого, так же, по свидетельству духовной науки, многие миры окружают человека, и он сможет их воспринимать, если только разовьет для этого необходимые органы. Как слепой может взирать в новый мир после операции, так же, благодаря раскрытию высших органов человек может познавать совсем иные миры, чем те, которые ему доступны благодаря обычным чувствам. Возможно ли оперировать физически больного человека - это зависит от состояния его органов; но те высшие органы, благодаря которым человек может проникнуть в миры высшего порядка имеются в зародыше у каждого человека. Развить их в себе может каждый, у кого достанет терпения, выдержки и энергии, чтобы применить к себе методы, описанные в моей книге “Как достигнуть познания высших миров?”. Духовная наука вообще не утверждает, что для человека в силу его организации существуют границы познания; но она говорит: для человека существуют те миры, для которых у него есть органы восприятия. Она лишь говорит о средствах расширения соответствующих границ познания. Таким образом она берется за исследование жизненного или эфирного тела и всего того, что будет рассмотрено ниже как высшие члены человеческой природы. Она признает, что исследованию телесными чувствами доступно лишь физическое тело, и принимая точку зрения такого исследования можно в самом лучшем случае перейти к чему-то более высокому путем умозаключений. Но она сообщает, как можно открыть для себя мир, в котором эти высшие члены человеческой природы появляются перед исследователем таким же образом, как перед оперированным слепорожденным появляется свет и окраска предметов. Для тех, кто развил свои высшие органы восприятия, эфирное или жизненное тело является предметом наблюдения, а не просто результатом рассудочной деятельности и умозаключения.

Этим эфирным или жизненным телом человек обладает вместе с растениями и животными. Оно обуславливает то, что вещества и силы физического тела проявляются в явлениях роста, размножения, внутреннего движения соков и т.д. Оно является, таким образом, строителем и скульптором физического тела, его обитателем и архитектором.

Поэтому физическое тело можно назвать также отражением или выражением этого жизненного тела. В отношении формы и величины они у человека друг другу близки, но ни в коем случае не совпадают. У животных, и еще более - у растений, эфирное тело в отношении формы и протяженности - отлично от физического тела.

Третьим членом человеческого существа является так называемое тело ощущений или астральное тело. Оно является носителем боли и радости, порывов, желаний и страстей. Все это отсутствует у существа, которое состоит только из физического и эфирного тел. Все вышеназванное можно объединить в одном выражении: ощущение. У растения нет ощущений. Если в наше время некоторые ученые, исходя из того факта, что некоторые растения реагируют на раздражение движением или отвечают иным образом, заключают, что растения имеют определенные способности к ощущению, то это говорит лишь о том, что им сущность ощущения неизвестна. Дело в этом случае не в том, что упомянутое существо дает ответ на внешнее раздражение, но в том, что раздражение это отражается в таком *внутреннем* процессе как радость или боль, порыв, желание и т.д. Если этого не придерживаться, то можно было бы правомерно заявить, что голубая лакмусовая бумага ощущает известные субстанции, так как она при соприкосновении с ними краснеет.²

Телом ощущений человек обладает совместно только с животным миром. Оно является, таким образом - носителем жизни ощущений.

Не следует впадать в ошибку известных теософских кругов и мыслить эфирное тело и тело ощущений состоящими просто из более тонких веществ, чем те, которые имеются в физическом теле. Это бы значило - материализовать эти высшие члены человеческой природы. Эфирное тело - силовой образ; оно состоит из действующих сил, а не из вещества; и астральное тело или тело ощущений есть облик из подвижных в себе, красочных, светящихся образов.³

Тело ощущений по форме и величине - отлично от физического тела. У человека оно являет облик продолговатого яйца, в которое заключены физическое и эфирное тела. Оно выступает над обеими со всех сторон как светящийся облик.

И человек обладает четвертым членом своего существа, который он не разделяет с другими земными существами. Последний является носителем человеческого "Я". Слово "Я", как оно употребляется, к примеру, в немецком языке, является именем, которое отличается от всех других имен. Кто надлежащим образом размышляет над сущностью этого имени, тот тем самым открывает себе доступ к познанию человеческой природы. Каждое другое имя все люди равным образом могут применять для обозначения соответствующих предметов. Стол каждый может назвать "столом", стул - "стулом". В случае имени "Я" - это не так. Никто не может употребить его для обозначения чего-то другого; каждый может назвать "Я" лишь самого себя. Никогда имя "Я" не может извне звучать для моего слуха как обозначение *меня* самого. Обозначая себя как "Я", человек должен в себе самом определять самого себя. Существо, могущее сказать себе "Я", является миром для себя. Религии, построенные на духовной науке, всегда это ощущали. Они поэтому говорили, что "бог", который у более низких существ открывается только извне в явлениях окружения, с "Я" - начинает говорить *во внутреннем*. Носителем описанной здесь способности является теперь "тело Я", четвертый член человеческого существа.⁴

Это "тело Я" - носитель высшей человеческой души. Благодаря ему человек является венцом земного творения. Но в современном человеке "Я" ни в коей мере не является простой сущностью. Его природу можно познавать, сравнивая между собой людей, стоящих на различных ступенях развития. Взглянем на необразованного дикаря и на

среднего европейца и сравним снова этого последнего с высоким идеалистом. Все они обладают способностью сказать о себе “Я”; все они обладают “телом Я”. Но необразованный дикарь следует своим страстям, влечениям и желаниям почти как животное. Более развитый человек по отношению к некоторым склонностям и удовольствиям говорит себе: этим влечениям ты можешь следовать; другие же он обуздывает и подавляет. Идеалист же к первоначальным склонностям и страстям присоединяет более высокие. Все это происходит благодаря тому, что “Я” - поработало над другими членами человеческого существа. Ведь задача “Я” и заключается как раз в том, что оно очищает и облагораживает другие члены.

Таким образом у того человека, который возвысился над тем состоянием, в которое его поставил внешний мир, его низшие члены под влиянием Я более или менее изменялись. В том состоянии, в котором человек как раз возвышается над животным, когда вспыхивает его Я, подобно молнии, в отношении своих низших членов все еще сравним с животным. Его эфирное или жизненное тело является исключительно носителем жизненных образующих сил, роста и размножения. Его тело ощущений выражает лишь такие стремления, желания и страсти, которые возбуждаются внешней природой. По мере того, как человек путем последовательных жизней или перевоплощений восходит на более высокую ступень развития, его Я прорабатывает остальные члены его существа. Так, тело ощущений - становится носителем просветленных чувств радости и печали, утонченных желаний и влечений. Преобразуется также и эфирное или жизненное тело. Оно становится носителем привычек, установившихся наклонностей, темперамента и памяти. Человек, чье Я еще не работало над его жизненным телом, не имеет воспоминаний о своих переживаниях. Он просто изживает себя, как внушила ему природа.

Для человека все культурное развитие выражается в такой работе Я над подчиненными ему членами. Эта работа распространяется вплоть до физического тела. Под влиянием Я изменяется физиономия, изменяются жесты и движения, весь облик физического тела.

Можно также заметить, как различные культурные и художественные факторы различным образом влияют на отдельные члены человеческого существа. Обычные культурные факторы влияют на тело ощущений; они приносят ему иные виды радостей и печалей, чем те, которые были в нем заложены изначально. Погружение в произведения искусства действует на эфирное тело. Человек, приобретая через творения искусства предчувствие чего-то более высокого и благородного, чем то, что предоставляет ему окружение, преобразует свое эфирное тело. Могучим средством для очищения и облагораживания эфирного тела является религия. Религиозные импульсы выполняют поэтому величайшую миссию в развитии человечества.

То, что зовется совестью, есть не что иное, как результат работы Я над жизненным телом в течение целого ряда воплощений. Когда человек усматривает, что он не должен совершать того или иного и когда это видение производит на него столь сильное впечатление, что последнее распространяется даже на его эфирное тело, тогда возникает совесть.

Но работа Я над подчиненными ему членами может быть и такой, что она больше принадлежит всему человеческому роду, или же она может быть совершенно индивидуальной работой отдельного Я над самим собой. Над преобразованием первого рода работает в известной мере все человечество; второе же должно основываться на индивидуальнейшей деятельности Я. Когда Я становится настолько сильным, что оно перерабатывает тело ощущений исключительно собственными силами, то то, что таким образом создает Я из этого тела ощущений или астрального тела, называют - *Самодух* (или согласно восточной терминологии - *Манас*). Такое преобразование основывается по существу на обучении, на обогащении внутреннего мира более высокими идеями и

воззрениями. Но Я может прийти к еще более высокой, интимнейшей работе над собственным существом человека. Это происходит тогда, когда преобразуется не одно лишь астральное тело. Человек столь многому научается в жизни; и если он в какой-либо момент оглянется назад, на эту жизнь, он сможет сказать: я многому научился; но я в гораздо меньшей степени могу сказать себе о преобразовании темперамента и характера, об улучшении или ухудшении памяти в течение жизни. Обучение касается астрального тела; последние же преобразования - напротив, относятся к эфирному или жизненному телу. Поэтому не будет неудачным образом сравнение изменения астрального тела с ходом минутной стрелки часов, а преобразования жизненного тела - с ходом часовой стрелки.

Когда человек приступает к высшему или так называемому сокровенному обучению, то речь прежде всего идет о том, что он производит последнее преобразование исконнейшей силой собственного Я. Он должен совершенно сознательно и индивидуально работать над преобразованием привычек, темперамента, характера, памяти и т.д. Насколько он таким образом вработается в жизненное тело, настолько он преобразует последнее, выражаясь в духовнонаучном смысле, в *Жизнедух* (или, как это звучит в восточном выражении - в *Буддхи*).

На еще более высокой ступени человек приобретает силы, которыми он может преобразующе действовать на свое физическое тело (например - преобразовывать кровообращение, пульс). И если таким образом преобразовано физическое тело, оно именуется - *Духочеловек* (по-восточному - *Атман*).

Те изменения, которые осуществляет человек больше в смысле всего человеческого рода, или его части - народа, племени или семьи, в духовной науке носят следующие названия: преобразованное работой Я астральное тело или тело ощущений - *душа ощущающая*; преобразованное эфирное тело - *душа рассудочная*; преобразованное физическое тело - *душа самосознающая*. Не следует, однако, представлять себе, что преобразования этих трех членов следуют последовательно, друг за другом. Они происходят со всеми тремя телами с момента вспыхивания Я. Но работа Я становится воспринимаемой человеком, вообще говоря, не раньше, чем будет сформирована хотя бы часть души сознательной.

Как следует из предыдущего, можно различать четыре члена человеческого существа: физическое тело, эфирное или жизненное тело, астральное тело или тело ощущений и тело Я. Душа ощущающая, душа рассудочная, душа самосознающая, а также более высокие члены человеческой природы - Самодух, Жизнедух и Духочеловек - выступают как продукты преобразования этих четырех членов. Если речь идет о носителях качеств человека, то принимаются во внимание эти четыре члена.

Как воспитатели мы работаем над этими четырьмя членами человеческого существа. И если мы хотим работать правильным образом, мы должны исследовать природу этих частей человека. Но ни в коем случае не следует предполагать, что в какой-либо момент его жизни, скажем, в момент рождения, они могут быть развиты в одинаковой степени. Напротив, их развитие происходит в разных возрастах различным образом. И на знании этих законов человеческой природы базируются верные основы воспитания и обучения.

До физического рождения становящийся человек окружен со всех сторон чужим физическим телом. Самостоятельно в соприкосновение с внешним физическим миром он не вступает. Физическое тело матери и есть его окружающая среда. Только это тело может воздействовать на созревающего человека. Физическое рождение как раз и заключается в том, что физическая материнская оболочка выделяет человека и благодаря этому окружение физического мира может непосредственно влиять на него. Чувства

открываются внешнему миру. И тем самым последний приобретает то влияние на человека, которое принадлежало прежде физической материнской оболочке.

Для духовного миропонимания, как оно вытекает из духовного исследования, полностью рождается в этом событии только физическое тело, но не тело эфирное или жизненное. Как человек до момента своего рождения окружен физической материнской оболочкой, так он до времени смены зубов, т.е. до седьмого года окружен эфирной и астральной оболочками. Лишь в течение смены зубов эфирная оболочка освобождает эфирное тело. После этого остается еще астральная оболочка, вплоть до наступления половой зрелости.⁵ Во время ее наступления также и астральное тело или тело ощущений освобождается во все стороны, как физическое тело при физическом рождении и эфирное тело при смене зубов.

Так что духовная наука должна говорить о *трех рождениях* человека. До смены зубов известные впечатления, которые должны влиять на эфирное тело, столь же мало могут его достичь, сколь мало свет и воздух физического мира могут достичь физического тела, пока оно покоится в лоне матери.

Прежде, чем наступит смена зубов, свободное эфирное тело еще не работает. Как в теле матери физическое тело принимает силы, не являющиеся его собственными и внутри защитной оболочки постепенно развивает собственные, так обстоит с силами роста до смены зубов. Эфирное тело сначала вырабатывает свои силы в союзе с унаследованными чужими. Но на протяжении этого периода освобождения эфирного тела физическое тело - уже самостоятельно. Освобождающееся эфирное тело вырабатывает то, что оно должно будет дать физическому телу. И конечным результатом этой работы являются собственные зубы человека, выступающие на месте унаследованных. Они являются плотнейшими отложениями в физическом теле и поэтому появляются, наконец, в это время.

С этого момента рост обеспечивает собственное жизненное тело. Но последнее все еще находится под влиянием окутывающего его астрального тела. В тот момент, когда и астральное тело освобождается, эфирное тело также завершает некоторый период своего развития. Это завершение выражается в половой зрелости. Органы размножения становятся самостоятельными, поскольку отныне освобожденное астральное тело больше уже не действует вовнутрь, но, свободное от оболочки, непосредственно выступает навстречу внешнему миру.

Как не следует допускать воздействия на еще не родившегося ребенка влияний внешнего мира, таких, как физическое, так же и до смены зубов не следует позволять действовать на эфирное тело тем силам, которые являются для него тем же, чем для физического тела являются впечатления физического окружения. И лишь с момента половой зрелости следовало бы позволять разыгрываться соответствующим влияниям в астральном теле.

В основу настоящего искусства воспитания могут быть положены не общие фразы, вроде “гармонического развития всех сил и задатков” и тому подобного, но лишь действительное познание человеческого существа. Дело не в том, что вышеприведенные общие фразы неверны, но скажем лишь, что от них столь же мало пользы, как от высказывания относительно машины, что все ее части надо было бы привести в гармоническое взаимодействие. Только тот, кто подходит к ней не с общими фразами, но с действительным знанием ее во всех частностях, может с ней обращаться. Так же обстоит и с воспитательным искусством в отношении знания членов человеческого существа и их развития в частности. Надо знать, на какую часть человеческого существа в определенном

возрасте следует воздействовать, и как такое воздействие протекает нормальным образом. Надо полагать, что такое действительно реалистическое воспитательное искусство, как здесь означенное, может лишь медленно пролагать себе дорогу в жизнь. Это заложено в образе мыслей нашего времени, который еще долго будет рассматривать факты духовного мира как следствие буйной фантазии, в то время, как лишенные действительности общие фразы будут казаться ему результатами реалистического образа мыслей. Здесь же должно быть безоговорочно указано то, что, хотя и будет ныне приниматься многими как фантастические картины, но в будущем будет признано как само собой разумеющееся.

В момент рождения физическое тело человека открывается воздействию физического окружения внешнего мира, в то время как прежде оно было окружено защитной материнской оболочкой. То, что прежде совершали в нем силы и соки материнской оболочки, теперь должны совершать силы и элементы внешнего физического мира. До смены зубов на седьмом году человеческое тело имеет задачу существенно отличную от задач всех других жизненных эпох. Физические органы должны в это время принять определенные формы. Их структурные соотношения должны приобрести определенные направления и тенденции. Позднее наступает период роста, но этот рост происходит во всех последующих эпохах на основе форм, которые были образованы до вышеозначенного времени. Если образовались правильные формы, то вырастут правильные члены, если же образовались уродливые формы, то и вырастут уродливые члены. Во всех последующих периодах жизни нельзя исправить того, что было упущено воспитателем до семилетнего возраста. Как до рождения природа создает надлежащее окружение физическому человеческому телу, так воспитатель после рождения должен позаботиться о соответствующем физическом окружении. Только это правильное физическое окружение влияет на ребенка таким образом, что его физические органы отекают в правильных формах.

Существуют два ключевых слова, указывающих на то, как ребенок вступает в соотношение со своей окружающей средой. Эти слова: *подражание* и *пример*. Греческий философ Аристотель назвал человека самым подражательным животным; ни для какого иного возраста это название не применимо больше чем для детского возраста до смены зубов. Ребенок подражает тому, что происходит в его физическом окружении, и в подражании его физические органы выливаются в свои формы, которые затем остаются навсегда. Только надо брать понятие физического окружения в как можно более широком смысле. К нему относится не только то, что происходит вокруг ребенка материально, но также и все то, что разыгрывается в окружении ребенка, что может быть воспринято его органами чувств, что может воздействовать из физического пространства на его духовные силы. К этому относится также все моральное и аморальное, все разумные и неразумные действия, которые он может наблюдать.

Не морализирующие общие фразы, не рассудочные поучения влияют на ребенка в указанном направлении, но то, что совершают взрослые в его окружении, у него на глазах. Поучения действуют формообразующе не на физическое тело, но на эфирное, которое до семилетнего возраста окружено защитной эфирной материнской оболочкой, точно так же, как физическое тело до физического рождения окружено материнской оболочкой. То, что должно развиваться в этом эфирном теле до семилетнего возраста как представления, привычки, память и т.д., все это должно развиваться как бы само собой, подобно тому как развиваются глаза и уши в материнском теле без воздействия внешнего света и звука. Несомненно верно то, что можно прочесть в одной превосходной педагогической книге, в “Леване” или “Учении о воспитании” Жан Поля: кругосветный путешественник большому научается у своей кормилицы в первые годы своей жизни, чем во всех своих кругосветных путешествиях вместе взятых. Но ребенок учится как раз не путем обучения, а путем подражания, и его физические органы образуют свои формы под воздействием физического окружения. Здоровое зрение образуется, когда в окружении ребенка имеют

место правильные красочные и световые соотношения, а в мозгу и в кровообращении образуются физические задатки здорового морального чувства, если ребенок видит в своем окружении моральное. Если же до семи лет ребенок видит в своем окружении лишь неразумные поступки, его мозг принимает такие формы, которые в последующей жизни также будут склонять его к неразумию.

Подобно тому, как мускулы рук становятся сильными и крепкими, когда они исполняют соответствующую работу, также и мозг и другие органы физического человеческого тела направляются на верный путь развития, если они получают из своего окружения правильные впечатления. Следующий пример наглядно покажет нам то, что здесь имеется в виду. Ребенку можно сделать куклу, сложив старую салфетку, сделав из двух кончиков салфетки ноги, из двух других - руки, из узла - голову, нарисовав затем на ней чернильными пятнами глаза, нос и рот. Можно также купить так называемую "красивую" куклу с настоящими волосами и разрисованными щеками и дать ее ребенку. Не стоит даже и говорить о том, что последняя кукла, естественно, уродлива и может в этом возрасте испортить здоровое эстетическое чувство. Но главный момент воспитания еще и в другом. Когда перед ребенком сложенная салфетка, он должен собственной фантазией дополнять то, что в данной вещи должно изображать человека. Эта работа фантазии воздействует формирующим образом на формы мозга. Последний осваивается так же, как осваиваются мускулы рук путем свойственной им работы. Когда же ребенок имеет перед собой так называемую "красивую куклу", его мозгу уже делать нечего. Вместо того, чтобы развиваться, мозг хиреет и ссыхается. Если бы люди могли, подобно духовисследователю, заглянуть в строящийся в своих формах мозг, они, вероятно, давали бы своим детям такие игрушки, которые способны живо возбуждать формирующую деятельность мозга. Все игрушки, состоящие лишь из мертвых математических форм, действуют опустошающим и омертвляющим образом на формирующие силы ребенка, и наоборот, правильным образом влияет на ребенка все то, что возбуждает у него представление о живом. В наше материалистическое время производится очень мало хороших игрушек. Насколько, к примеру, здорова игрушка, представляющая собой на двух сдвигающихся деревянных брусках двух повернутых друг к другу и кующих что-то кузнецов! Подобные игрушки еще можно купить кое-где в деревнях. Очень хороши книжки с картинками, фигуры на которых можно двигать, потягивая снизу за нитки, так что ребенок может превращать мертвую картину в живое действо. Все это вызывает внутреннюю активность, подвижность органов и в этой подвижности строится их правильная форма.

Все эти вещи здесь, естественно, только намечаются, но в будущем духовная наука будет призвана отвечать на каждый частный вопрос, и она это может. Ибо она - не пустая абстракция, но сумма жизненных фактов, которые могут дать направляющие линии действительности.

Хотелось бы привести еще пару примеров. В смысле духовной науки, к так называемому нервному, возбудимому ребенку следует подходить совсем иначе, чем к ребенку летаргическому, апатичному, учитывая при этом его окружение. Во внимание должно быть принято все, от окраски комнаты и других предметов и до цвета платьев, в которые его одевают. Не руководствуясь духовной наукой, часто будут поступать неправильно, ибо материалистическое сознание часто поступает вопреки истине. Возбудимого ребенка следует окружать красным или оранжевым цветом, а также одевать его в платья этих же цветов; и наоборот - в случае невозбудимого ребенка следует прибегать к голубому или зеленому цветам. Дело в том, что следует обращаться к тому цвету, который производится во внутреннем как дополнительный цвет. Например, для красного цвета это - зеленый, для голубого - оранжево-желтый. В этом можно легко убедиться, если некоторое время глядеть на соответственно окрашенную поверхность а затем быстро перевести взгляд на белую поверхность. Эта дополнительная окраска производится физическими органами ребенка и обуславливает соответствующие,

необходимые ребенку структуры органов. Если в окружении возбужденного ребенка присутствует красный цвет, это вызывает во внутреннем существе ребенка зеленый противообраз. И деятельность, образующая зеленый цвет, действует успокаивающе и органы приобретают тенденцию к успокоению.

Радикальным для данного возраста является способствовать тому, чтобы физическое тело создало себе критерий того, что для него полезно. Оно создает это посредством соответствующего формирования желаний. В общем можно сказать, что здоровое физическое тело имеет потребность в том, что ему полезно. И поскольку дело касается физического тела подрастающего человека, следует интимно всматриваться в то, чего должно хотеть здоровое желание, здоровое хотение, здоровая радость. Радость и удовольствие - это те силы, которые наиболее правильным образом образуют физические формы органов.

В этом направлении можно сильно нагрешить, если не поместить ребенка в соответствующие физические соотношения с окружением. В особенности это может случиться в отношении пищевых инстинктов. Можно так перекормить ребенка, что он совершенно утратит свои здоровые пищевые инстинкты, в то время, как путем правильного питания их можно сохранить настолько, что ребенок точно, вплоть до стакана воды, требует все то, что ему в известном отношении полезно, и отклоняет все, что может ему повредить. Духовная наука, если она призвана к построению воспитательного искусства, может указать все, вплоть до отдельных пищевых и вкусовых средств, что и принимается здесь во внимание. Ибо духовная наука - реальный фактор жизни, а не серая теория, которой она могла бы показаться из-за заблуждений некоторых теософов.

Итак, к тем силам, которые образующе действуют на физические органы, принадлежит радость окружающего бытия, веселые лица воспитателей и, прежде всего, искренняя, непритворная любовь. Эта любовь, тепло струящаяся через окружение ребенка, в истинном смысле слова вынашивает формы физических органов.

Если возможно подражание здоровым примерам в такой атмосфере любви, то ребенок находится в своем настоящем элементе. Поэтому надо строго следить за тем, чтобы в окружении ребенка не происходило ничего такого, чему он не должен был бы подражать. Нельзя совершать ничего такого, о чем ребенку должно быть сказано, что он не должен этого делать... Насколько склонен ребенок к подражанию, можно убедиться, наблюдая, как он копирует буквы задолго до того, как он их понимает. Это даже очень хорошо, если ребенок сначала копирует буквы, и лишь позднее учится понимать их смысл. Ибо подражание принадлежит эпохе развития физического тела, в то время, как смысл обращен к эфирному телу; на последнее же следует воздействовать лишь после смены зубов, когда от него отпала внешняя эфирная оболочка. В особенности в эти годы должно иметь место всяческое обучение речи в духе подражания. Слушая, ребенок лучшим образом учится говорить. Все правила и всяческие искусственные поучения ни к чему хорошему не приведут.

В раннем детском возрасте особенно важно, чтобы такие воспитательные средства, как, например, детские песни, производили бы по возможности прекрасное ритмическое впечатление на органы чувств. Надо меньше придавать значения смыслу песни и больше - красоте звучания. Чем более освежающе действует что-либо на глаз или ухо - тем лучше. Не следует умалять значения танцевальных движений в музыкальных ритмах для сил, формирующих органы.

Со сменой зубов эфирное тело сбрасывает внешнюю эфирную оболочку и тем самым начинается период, когда уже можно воспитательно воздействовать на эфирное тело извне. Надо уяснить себе, что может влиять извне на эфирное тело. Преобразование и рост эфирного тела означает преобразование и развитие склонностей, привычек, совести, характера, памяти, темперамента. На эфирное тело воздействуют посредством образов, примеров, посредством правильного управления фантазией. Подобно тому, как до семилетнего возраста ребенку надо физически давать пример, которому он может подражать, так же в окружение становящегося человека между сменой зубов и половой зрелостью должно быть внесено все то, что может направлять ребенка в силу своего внутреннего смысла и своей ценности. Теперь уместно осмысленное, то, что воздействует через образ и иносказание. Эфирное тело развивает свою силу, если упорядоченная фантазия может направляться согласно тому, что она черпает и принимает в качестве путеводных нитей из живых или передаваемых духовно образов и аллегорий. Правильным образом на растущее эфирное тело влияют не абстрактные понятия, но наглядное, только не чувственно, а духовно наглядное. Духовное воззрение - верное воспитательное средство в эти годы. Поэтому прежде всего речь идет о том, чтобы воспитателями молодого человека в эти годы были такие воспитатели, которые благодаря своим воззрениям могли бы пробудить в нем желательные интеллектуальные и моральные силы. Как в первые детские годы ключевыми словами воспитания являются *подражание* и *пример*, так же для обсуждаемого сейчас периода таковыми являются *преемственность* и *авторитет*. Неоспоримый, но не принудительный авторитет должен представлять непосредственное духовное воззрение, опираясь на которое молодой человек формирует совесть, привычки и склонности, вводит в надлежащее русло свой темперамент; глазами этого воззрения он рассматривает явления мира. Прекрасные поэтические слова - "каждый должен избрать себе героя, по примеру которого он прокладывает себе путь на Олимп" - особенно подходят к этому возрасту. Почитание и благоговение - это силы, благодаря которым эфирное тело развивается правильным образом. И для кого это оказалось невозможным - взирать в указанный период времени с безграничным благоговением на кого-либо - тому придется это искупать в течение всей своей последующей жизни. Там, где нет этого благоговения - чахнут жизненные силы эфирного тела. Влияние этого на юношескую душу иллюстрирует следующее. Восьмилетнему мальчику рассказывают об одной исключительно уважаемой личности. Все, что он о ней слышит, внушает ему священный трепет. Приближается день, когда он сможет увидеть чтимое им лицо. Трепет благоговения охватывает его, когда он берется за ручку двери, за которой глубоко чтимое им лицо станет для него видимым... Прекрасные чувства, которые вызывают подобные переживания, принадлежат к неизгладимым завоеваниям жизни. И счастливым можно считать того человека, который не только в праздничные моменты жизни, но беспрестанно мог взирать на своих учителей и воспитателей, как на неоспоримые авторитеты. К этим живым авторитетам, к этим воплощениям моральной интеллектуальной силы должны быть присоединены также и авторитеты, воспринимаемые духовно. Формировать совесть, определять духовное направление должны великие примеры истории, рассказы о выдающихся людях, а не отвлеченные моральные основоположения, которые смогут оказать свое правильное воздействие лишь тогда, когда с наступлением половой зрелости астральное тело освободится от своей астральной материнской оболочки. Особенно важно придать направление, соответствующее указанной точке зрения, преподаванию истории. До смены зубов все рассказы, сказки и т.д., преподносимые ребенку, могут иметь целью лишь радость, оживление, веселье. После смены зубов надо при подаче материала стараться, кроме вышеуказанного, чтобы перед душой ребенка вставляли образы жизни, достойные подражания. Не следует упускать из вида, что дурные привычки можно побороть целесообразно подобранными отталкивающими примерами. Увещевания зачастую очень мало помогают против дурных привычек и наклонностей; если же

предоставить воздействовать на юношескую фантазию соответственно подобранному живому примеру дурного человека и если указать, к чему в действительности ведет данная дурная наклонность, то это может сильно повлиять на ее искоренение.

Необходимо всегда иметь в виду, что не абстрактные представления влияют на развивающееся эфирное тело, но исполненные жизни образы в их духовной наглядности. Конечно то, о чем только что шла речь, должно быть исполнено с величайшим тактом, чтобы дело не вызвало обратного результата. При рассказе все является родом воспитания, поэтому ни в коем случае нельзя заменять рассказа чтением вслух.

Духовно-образное или можно также сказать - символическое представление - в период между сменой зубов и половой зрелостью принимается во внимание еще и иным образом. Необходимо, чтобы молодой человек воспринимал тайны природы, законы жизни по возможности не в рассудочных сухих понятиях, но в символах. Образы духовных взаимосвязей должны быть преподнесены душе таким образом, чтобы закономерности бытия за символами она больше предчувствовала и ощущала, нежели понимала их в рассудочных понятиях. "Все преходящее - лишь символ пребывающего". Эти слова должны стать девизом воспитания в этом периоде жизни. Для человека бесконечно важно воспринять тайны бытия в символах раньше, нежели они предстанут перед его душой в форме законов природы. Следующий пример мог бы это проиллюстрировать. Допустим, мы хотим говорить с молодым человеком о бессмертии души, о том, как она покидает тело. Это следует делать, приводя, к примеру, сравнение с выходом бабочки из куколки: подобно тому, как бабочка вылетает из куколки, душа после смерти покидает свое жилище, т.е. тело. Никто не сможет воспринять сущности этого процесса в соответствующих рассудочных понятиях, если он раньше не воспринял его в таком образе. Через такой символ обращаются не просто к рассудку, но к чувству, ощущению, ко всей душе. Молодой человек, прошедший через все это, подходит потом к делу в совсем ином настроении, когда ему *позднее* представят это дело в рассудочных понятиях. И это даже очень плохо для человека, если он не мог подойти сперва с чувством к загадкам бытия. Необходимо, чтобы для всех законов природы и мировых тайн в распоряжении воспитателя всегда были бы символы.

Особенно хорошо на этом примере можно увидеть, как плодотворно должна воздействовать духовная наука на практическую жизнь. Если кто-нибудь из материалистически рассудочного образа мыслей создает себе символы и обращается с этими символами к молодым людям, то он этим произведет на них, как правило, очень слабое впечатление. Он ведь сам должен был их сначала измыслить, эти символы, рассудочным путем. Такие символы, к которым самих себя приходится притягивать за уши, действуют на тех, кому их сообщают, весьма неубедительно. Когда кому-либо говорят в образах, то на него воздействует не только то, что ему говорят или показывают, но от того, кто сообщает, исходит тонкий духовный ток к тому, кому делается это сообщение. Если у самого сообщаемого нет теплого чувства верующего в свои символы, то он не произведет никакого впечатления на того, кому он это сообщает. Чтобы правильно воздействовать, необходимо верить в свои символы, как в действительность. Это возможно лишь, когда у нас духовнонаучный образ мыслей, и сами символы рождены из духовной науки. Настоящий духоиспытатель не нуждается в том, чтобы вымучивать из себя вышеупомянутый символ исходящей из тела души, ибо для него это - истина. Для него выход бабочки из куколки представляет в действительности тот же, только происходящий на низшей ступени природного бытия процесс, который на более высокой ступени, в более совершенной форме повторяется в выходе души из тела. Он всем существом верит в это. И эта вера струится таинственными потоками от говорящего к внимающему и внушает уверенность в истине. Непосредственная жизнь изливается от воспитателя к ученику. Но для этой жизни необходимо, чтобы воспитатель черпал из полного источника духовной науки и чтобы его слова и все, что от него исходит, было

пронизано ощущением, теплотой и эмоциональной окраской, приобретенных из истинно духовнонаучного образа мыслей. Тем самым во всем деле воспитания открывается грандиозная перспектива. И если оно будет однажды оплодотворено из жизненного источника духовной науки, оно само станет наполненным осмысленной жизнью. Тогда прекратится хождение ощупью, имеющее место в этой области. Всякое искусство воспитания, всякая педагогика - сухи и мертвы, если они не получают вечно свежих соков из этого корня. Духоведение для всех мировых загадок располагает соответствующими символами, взятыми из существа вещей образами, которые не сотворены человеком, но положены в основу творения самими мировыми силами. Поэтому духовная наука должна быть жизненной основой всякого искусства воспитания.

Одной из душевных сил, на которую в эту пору человеческого развития должно быть обращено особое внимание, является память. Развитие памяти связано с преобразованием эфирного тела. Так как формирование последнего происходит таким образом, что оно освобождается как раз между сменой зубов и половой зрелостью, то этот период является также тем временем, когда следует сознательно извне руководить развитием памяти. Память останется менее развитой, чем она должна была бы быть у данного человека, ежели в это время будут упущены соответствующие мероприятия для ее развития. Упущенное уже не сможет быть впоследствии исправлено.

Рассудочно-материалистический образ мышления может совершить в этом направлении много ошибок. Построенное на нем искусство воспитания легко приходит к предубеждению против усвоения простым запоминанием. Оно часто без устали, со всей остротой выступает против простой тренировки памяти и применяет изощренные методы для того, чтобы молодой человек путем простого запоминания, без *понимания* ничего не воспринял. Какое только значение не придается этому *пониманию*! Материалистически-рассудочное мышление очень легко предается вере в то, что не существует никакого проникновения в сущность вещей кроме как в абстрактных понятиях; оно лишь с трудом пробивается к сознанию того, что для постижения вещей также и другие душевные силы по меньшей мере столь же необходимы, как и рассудок. Это не будет лишь фигуральным выражением, если мы скажем, что чувством, ощущением и душой можно так же понимать, как и рассудком. Понятие - это лишь *одно* из средств для понимания вещей этого мира. И только материалистическому убеждению понятие кажется единственным средством постижения. Существует, конечно, немало людей, не признающих себя материалистами, но считающих все же рассудочное постижение - единственным способом понимания. Такие люди возможно исповедуют идеалистическое или даже спиритуалистическое миропонимание. Но тем не менее в глубине души они относятся к своему миропониманию материалистически. Ибо рассудок является всего лишь душевным инструментом для постижения материального.

Касаясь более глубоких основ понимания, здесь следует привести одно место из уже упоминавшейся превосходной книги Жан Поля. Вообще этот труд содержит в себе ценнейшие воззрения на воспитание и заслуживает гораздо большего внимания, нежели это происходит в самом деле. Эта книга намного важнее для воспитателей, чем многие общепризнанные труды в этой области. Рассматриваемое место гласит: "Не бойтесь неясности, непонимания даже целых предложений; выражение вашего лица, акцент в речи и предвосхищающее стремление понять - осветят одну половину, а при этом, со временем - и другую. Акцент у детей - так же, как у китайцев и у светских людей - составляет половину языка. ...Обратите внимание, что дети раньше начинают понимать свой родной язык, нежели на нем говорить, так же, как это бывает и с нами при изучении греческого или другого иностранного языка. ...Верьте, что время и контекст помогут дешифровать понятие. Пятилетний ребенок понимает слова "хотя", "однако", "ну", "напротив", "конечно"; но попытайтесь их объяснить, не ребенку, но - отцу! ...В одном лишь слове

“хотя” (нем.: zwar) - торчит маленький философ. Если восьмилетний ребенок со своей развитой речью бывает понят трехлетним ребенком, почему вы хотите сузить свою речь до детского лепета? Говорите всегда несколькими годами вперед (говорят же гении с нами в своих произведениях несколькими столетиями вперед). Говорите с годовалым ребенком как с двухлетним, с двухлетним - как с шестилетним, ибо различия в возрасте уменьшаются в обратном соотношении с годами. Воспитателю, который вообще в слишком большой степени приписывает все обучение учителям, следовало бы поразмыслить о том, что ребенок свою половину мира, а именно духовную (напр. моральные и метафизические воззрения) - уже несет в себе, готовой и изученной, и именно поэтому язык, вооруженный лишь телесными образами может лишь осветить духовные образы, но не дать их... Радость и определенность речи, обращенной к детям, нам следовало бы позаимствовать от их собственной радости и определенности. Уча их посредством языка, можно у них самих учиться языку. Их словообразования забавны, но правильны”.

Хотя в этом месте у Жан Поля говорится о понимании до образования рассудочных понятий в несколько иной области, чем та, о которой здесь идет речь, однако то, что Жан Поль сказал о языке, имеет прямое отношение к предмету нашего рассмотрения. Как воспринимает ребенок структуру языка своим душевным организмом, не нуждаясь для этого в знании законов строения речи в рассудочно-понятийной форме, так же *должен* молодой человек для ухода за памятью изучать такие вещи, понятийное постижение которых он должен будет усвоить лишь позднее. Более того, позднее лучше всего постигают в понятиях то, что в этом возрасте усвоили сперва в форме чистого запоминания, подобно тому, как лучше всего усваиваются правила того языка, на котором уже говорят. Все речи о непонятном материале, загромаждающем память - не что иное, как материалистический предрассудок. Молодой человек нуждается, к примеру, лишь в самых необходимых законах умножения на нескольких примерах, для чего не нужна никакая счетная машина, лучше всего это делать на пальцах, затем он должен основательно усвоить таблицу умножения путем заучивания наизусть. Действовать подобным образом - значит считаться с природой становящегося человека; и наоборот, очень грешат против последней те, кто в это время, когда важно развитие памяти, обращают особое внимание на рассудок. Рассудок - это такая духовная сила, которая рождается лишь с наступлением половой зрелости и на которую до этого возраста совсем не следовало бы воздействовать извне. До наступления половой зрелости растущий человек должен путем запоминания усвоить те сокровища, о которых мыслило человечество; после этого наступает время пронизать понятиями то, что он раньше хорошо запечатлел в памяти. Так что человек должен не просто отмечать то, что он уже понял, но он должен постигать в понятиях вещи, которые он знает, т.е. которыми он овладел путем запоминания, как ребенок овладевает языком. Это действительно в большом диапазоне. Сначала - усвоение исторического материала чисто путем запоминания, а затем - постижение последнего в понятиях; вначале - хорошее запечатление в памяти географических данных, затем - постижение взаимосвязи последних и т.д. В известном отношении постижение в понятиях должно иметь в своей основе накопленный в памяти материал. Чем больше знаний подрастающий человек накопил в своей памяти, прежде чем он перейдет к рассудочному пониманию, тем лучше. Само собой разумеется, все это относится к данному возрасту, а не к позднему развитию. Если человек изучает что-либо, наверстывая упущенное, или вообще - в более позднем возрасте, тогда, конечно, обратный путь может быть более правильным и желательным, хотя и тут многое должно делаться в зависимости от духовной конституции данного лица. Но в том возрасте, о котором здесь идет речь, можно не иссушать дух переполнением рассудочными понятиями.

Далеко идущее, чисто чувственное наглядное обучение - также вытекает из материалистических представлений. Всякая наглядность в этом возрасте должна быть

одухотворена. Нельзя удовольствоваться, например, тем, чтобы представлять растение, семя, цветок в его чисто чувственном наглядном представлении. Все должно становиться символом духовного. Семя - не только то, чем оно является глазу. Незримо в нем содержится все будущее растение. И то, что такой предмет является чем-то большим, нежели то, что воспринимается внешними органами чувств, должно быть живо схвачено ощущением, фантазией, душой. Предчувствие тайны бытия должно быть живо пережито. Нельзя на это возразить, что таким путем можно повредить чисто чувственной наглядности: напротив, если остановиться на чистой наглядности, истина является слишком укороченной. Ибо полная действительность всякого явления состоит из *духа* и *материи*, и верное наблюдение не требует меньшей тщательности, если приводится в действие вся полнота душевных сил, а не одни лишь физические органы чувств. Если бы люди могли, подобно духоиспытателю, увидеть, как все опустошается в *душе* и в *теле* из-за чисто чувственного наглядного преподавания, они бы меньше на нем настаивали. Что пользы, в высшем смысле, в том, что молодым людям показывают всевозможные минералы, растения, животных и физические опыты, если все это не рассматривается как чувственные символы, ведущие к предчувствию духовных тайн? Вероятно, материалистический ум не найдет особого применения тому, что здесь сказано, и это вполне понятно духоиспытателю. Но ему также ясно и то, что истинно практическое искусство воспитания никогда не вырастет из материалистического мышления. Насколько практичным оно себя выставляет, настолько оно непрактично в действительности, когда речь идет о том, чтобы охватить жизнь во всей ее полноте. Перед лицом истинной действительности материалистический образ мыслей - фантастичен, хотя этому последнему, естественно, фантастическими должны казаться положения духовной науки, отвечающие сущности вещей. Несомненно, придется преодолеть еще немало препятствий, прежде, чем рожденные из жизни основоположения духовной науки проникнут в искусство воспитания. Но это вполне естественные трудности. В наше время эти истины еще *должны* быть непривычными для многих. Но, если это - действительно истины, они воплотятся в культуру.

Только отчетливо сознавая, как действуют отдельные воспитательные мероприятия на молодого человека, воспитатель всегда может найти правильный такт, чтобы правильно поступить в каждом отдельном случае. Так, необходимо знать, как правильно обращаться с отдельными душевными силами - мышлением, чувствованием и волей, чтобы их развитие, опять-таки, воздействовало обратно на эфирное тело, когда оно, в период между сменой зубов и половой зрелостью, все более совершенным образом может формироваться влиянием на него извне.

Основание для развития здоровой, сильной воли закладывается в течение первых семи лет благодаря правильному применению рассматриваемых воспитательных принципов. Ибо такая воля должна опираться на вполне развитые формы физического тела. Речь идет о том, чтобы начиная со смены зубов, развивающееся эфирное тело предоставляло физическому телу те силы, которые могут сделать его формы солидными и внутренне крепкими. То, что производит наиболее сильное впечатление на эфирное тело, действует также сильнейшим образом и на укрепление физического тела. Но самые сильные импульсы, влияющие на эфирное тело, вызывают те ощущения и представления, посредством которых человек чувствует и переживает свою позицию по отношению к вечным подосновам мироздания, т.е. религиозные переживания. Никогда не разовьется здоровым образом воля человека, и, тем самым - его характер, если он в обсуждаемый период жизни не сможет принять в себя глубокие религиозные импульсы. В общей волевой организации человека выражается - как он чувствует включенным себя в мировое целое. Если человек не чувствует себя связанным прочными нитями с божественно-духовным, воля и характер останутся неуверенными, лишенными единства и нездоровыми.

Мир чувств развивается правильно благодаря описанным символам и чувственным образам, и особенно - благодаря всему тому, что черпается из истории и ей подобных источников в образах выдающихся людей. Для формирования мира чувств важно также соответствующее углубление в тайны и красоты природы. И здесь в наше рассмотрение входит воспитание чувства прекрасного и пробуждение любви к искусству. Музыка должна дать эфирному телу тот ритм, который сделает его способным ощущать также ритм, скрытый обычно во всех вещах. У молодого человека в его всей последующей жизни будет отнято очень многое, если он в это время будет лишен благотворного влияния воспитания музыкального чувства. Не будь у него этого чувства, известные стороны мирового бытия должны были бы остаться для него совершенно сокрытыми. Но при этом не следует пренебрегать также и другими искусствами. Пробуждение чувства архитектурного стиля, чувства пластических образов, чувства линии и рисунка, гармонии красок, ничто из этого не должно быть упущено в плане воспитания. В каких элементарных формах не приходилось бы это при известных обстоятельствах осуществлять, никогда не надо придавать значения возражениям в том роде, что обстоятельства совсем не способствуют такому направлению воспитания. Самыми простыми средствами можно достигнуть многого, если в этом направлении у воспитателя господствует правильное чувство. Радость жизни, любовь к бытию, силы к работе - все это вырастает для всего бытия из воспитания художественного и эстетического чувства. И отношение человека к человеку - как оно облагораживается и украшается таким чувством! Моральное чувство, которое также формируется в эти годы благодаря образу жизни, благодаря образцовым авторитетам, сохраняет свою стойкость, если благодаря чувству прекрасного добро ощущается как красота, а зло - как уродство.

Мышление в своей собственной форме, как внутренняя жизнь в отвлеченных понятиях - в рассматриваемый период жизни должно отступить на задний план. Оно должно развиваться без постороннего вмешательства, как бы само собой, в то время, как душа воспринимает тайны природы посредством символов и образов жизни. Так должно подрастать мышление среди других душевных переживаний между седьмым годом и половой зрелостью, должна созреть сила суждения, чтобы потом, по наступлении половой зрелости, человек становился способным вполне самостоятельно образовывать свои суждения о явлениях жизни и предметах науки. Чем меньше мы преждевременно влияем на развитие силы суждения и чем больше мы таким образом делаем для развития других душевных сил, тем лучше для всей последующей жизни данного человека.

Не только для духовной стороны воспитания, но и для физической его стороны духовная наука дает верные основания. Как характерный пример этого мы можем указать физкультуру и детские игры. Подобно тому, как в первые детские годы окружение должно быть пронизано любовью и радостью, так же и растущее эфирное тело должно действительно переживать в себе, благодаря телесным упражнениям, ощущение своего роста, ощущение постоянно прибывающих сил. Гимнастические упражнения должны быть поставлены таким образом, чтобы при каждом движении, при каждом шаге в душе молодого человека вставало ощущение: "я чувствую растущую во мне силу." И это ощущение должно овладевать душой как здоровая радость, как ощущение довольства. Чтобы придумать гимнастические упражнения такого рода, требуется нечто большее, чем рассудочное анатомическое и физиологическое знание человеческого тела. К этому принадлежит интимное, интуитивное, вполне прочувствованное познание взаимосвязей радости и довольства с положениями и движениями человеческого тела. Постановщик таких упражнений должен быть в состоянии переживать в себе самом, как данное движение, данное положение тела создает радостное, приятное ощущение силы, и как некоторое иное движение вызывает упадок сил и т.д. Применению гимнастики и телесных упражнений в этом направлении способствует то, что может дать воспитателю только духовная наука и, прежде всего, проникнутый духоведением душевный строй. Для этого

не требуется непосредственное взирание в духовные миры; надо иметь лишь чувство для того, чтобы применять в жизни лишь то, что приобретается из духовной науки. Если бы, в особенности в таких практических областях, как воспитание, применяли бы духовнонаучные познания, то вскоре умолкли бы бесполезные разговоры о том, что эти познания надо было бы сперва доказать. Тому, кто их правильно применяет, они докажут свою истинность тем, что сделают эту жизнь здоровой и сильной. Именно потому, что они подтвердят себя на практике, он увидит, что они верны, и благодаря этому он должен будет найти их лучше доказанными, чем всеми “логическими” и так называемыми “научными обоснованиями”. Духовные истины лучше всего познаются по их плодам, а не путем хотя бы весьма научных доказательств, которые едва ли могут быть чем-то иным, чем просто логической игрой.

С наступлением половой зрелости рождается астральное тело. С его свободным развитием вовне впервые сможет также подступить извне все то, чем разворачивается отвлеченный мир представлений, сила суждения и свободный рассудок. Уже упоминалось о том, что эти душевные способности должны были развиваться раньше без постороннего вмешательства, внутри правильного проведения других воспитательных мероприятий, подобно тому, как без внешнего вмешательства в материнском организме развиваются глаза и уши. С наступлением половой зрелости приходит время, когда человек созрел также и для того, чтобы образовать собственное суждение о вещах, которые он прежде изучал. Трудно причинить человеку больший вред, чем мы ему причиним преждевременным пробуждением собственного суждения. Можно судить лишь тогда, когда накоплен достаточный материал для суждения и сравнения. Преждевременно составленные самостоятельные суждения будут лишены достаточного основания. Все односторонности жизни, все пустые “символы веры”, основанные на нескольких крохах знания и претендующие на суждение об испытанных временем представлениях человечества, связаны с ошибками воспитания в этом направлении. Чтобы быть зрелым для мышления, надо усвоить уважение к тому, что мыслили другие. Не существует здорового мышления, которому не предшествовало бы опирающееся на неоспоримую веру в авторитет здоровое чувство истины. Если бы следовали этому основному положению воспитания, нам не приходилось бы переживать того, что люди в слишком юном возрасте мнят себя зрелыми для суждения и тем самым не позволяют жизни всесторонне и непредвзято воздействовать на себя. Ибо всякое суждение, не построенное на надлежащих основаниях богатого душевного опыта, является для судящего камнем преткновения на его жизненном пути. Ведь, составив о предмете суждение, мы постоянно будем находиться под его влиянием, и тогда переживание больше не воспринимается так, как оно воспринималось бы, если бы не было образовано связанное с этим предметом суждение. В молодом человеке должно жить сознание того, что сначала надо учиться, и уж затем - судить. То, что рассудок может сказать о предмете, должно высказываться лишь тогда, когда проявились уже все остальные душевные силы; до этого рассудок может играть лишь роль посредника. Он должен лишь служить тому, чтобы понять, охватить увиденное и пережитое, воспринять его так, как оно есть, без того, чтобы незрелое суждение тотчас же овладело предметом. Поэтому до вышеозначенного возраста следовало бы избавить молодого человека от всяческих теорий относительно мировых явлений, чтобы главную ценность он видел в том, чтобы идти навстречу всем переживаниям бытия, воспринимая их в своей душе. Конечно, подрастающего человека можно знакомить и с тем, что думали люди о том или ином предмете, но следует избегать того, чтобы склонять его к какому-либо воззрению путем преждевременного суждения. Он должен воспринимать мнения чувством, он должен быть в состоянии слушать без того, чтобы сразу же делать выбор и склоняться на ту или иную сторону: один сказал это, другой - то. Для выработки такого чувства от учителей и воспитателей требуется большой такт, но именно духовнонаучное мировоззрение - в состоянии сообщить им этот такт.

Здесь было возможным развить лишь некоторые точки зрения на воспитание в духовнонаучном смысле. Но следовало бы также указать попутно, какую культурную задачу должно выполнить в данном отношении это духовное направление. Сможет ли оно ее выполнить - это будет зависеть от того, распространится ли во все более широких кругах этот род представлений. Чтобы это могло осуществиться, прежде всего необходимо двоякое: во-первых, чтобы люди отказались от предрассудков в отношении духовной науки. Кто действительно ею занимается, тот уже увидит, что это вовсе не та фантастическая ерунда, за которую ее сегодня еще многие принимают. Мы не хотим выдвигать какой-либо упрек, ибо все то, что предоставляют образовательные средства нашего времени, должно прежде всего привести к мнению, что духоиспытатели - фантасты и мечтатели. При поверхностном рассмотрении совсем нельзя построить другого суждения, ибо здесь обнаруживается полнейшее противоречие между выступающей как духовная наука антропософией и всем тем, что современное образование дает человеку как основу здорового понимания жизни. Лишь более глубокому рассмотрению раскрывается, сколь глубоко противоречивыми должны оставаться воззрения современности без этой духовнонаучной основы, как они уже из самих себя требуют этой основы и не смогут долго без нее существовать. Второе, что здесь необходимо, связано со здоровым развитием самой духовной науки. Лишь тогда, когда в антропософские круги повсюду проникнет сознание необходимости сделать учение самым далеко идущим образом плодотворным для всех жизненных отношений, а не просто теоретизировать о нем, тогда также и сама жизнь с полным пониманием откроется духовной науке. Иначе антропософию будут продолжать считать родом религиозного сектантства отдельных мечтателей. Если же она совершает позитивную полезную духовную работу, тогда духовнонаучному движению не смогут в дальнейшем отказывать в исполненном понимании одобрении.

Некоторые замечания в дополнение к изложенному

1) Это предложение не следует понимать так, как если бы духовная наука желала бы иметь дело лишь с самыми общими жизненными вопросами. Как верно то, что она, в смысле изложенного выше призвана дать основания для разрешения *этих* вопросов, так же верно и то, что она для каждого в отдельности, независимо от его жизненной позиции, может быть источником, из которого он будет черпать ответы на все повседневные жизненные вопросы, черпать утешение, силы и уверенность в бытии и в работе. На нее можно опереться не только в решении великих жизненных загадок, но также и в самых непосредственных требованиях момента и в самых, как кажется, второстепенных ситуациях повседневности.

2) На сказанное здесь следует особо отчетливо указать, поскольку именно в этом направлении в наше время имеет место значительная неясность. Теперь многие стирают различие между растением и ощущающим существом, так как им неясен собственно, характер *ощущения*. Когда существо (или вещь) каким-либо образом реагирует в ответ на оказываемое на него извне воздействие, это еще не дает основания говорить, что оно это воздействие *ощущает*. Это можно сказать лишь в том случае, когда оно это впечатление *переживает в себе*, т.е. имеет место род внутреннего отражения внешнего раздражения. Большие успехи нашего естествознания, которые, конечно, восхищают духоисследователя, внесли неясность в отношении высших понятий. Известные биологи не знают, что такое ощущение; поэтому они приписывают его также лишенным ощущения существам. Но то, что должна понимать под ощущением духовная наука - нечто совсем иное.

3) Следует различать между *переживанием* тела ощущений *в себе* самом и *восприятием* тела ощущений обученным ясновидящим. То, что открывается духовным глазам последнего и имеется здесь в виду.

4) Не следует спотыкаться о выражение “тело Я”. При этом, естественно, не подразумевается ничего грубо материального. Но в духовной науке это возможно - применять слова обычной речи. И так как здесь эта речь применяется к материальному, то ее следует, применяя в духовной науке, перевести сперва на язык духа.

Сказанное выше нельзя считать понятным со всей ясностью, если выдвигается возражение, что и до смены зубов у ребенка есть память и т.д. и до наступления половой зрелости у него уже есть способности, связанные с астральным телом. Надо уяснить себе, что как эфирное, так и астральное тело - имеются с самого начала, только под вышеуказанной защитной оболочкой. Именно эта защитная оболочка позволяет, к примеру, эфирному телу совершенно особым образом проявлять до смены зубов свойства памяти. Ведь и физические глаза уже имеются у человеческого зародыша под защитной материнской физической оболочкой. И точно в том смысле, в каком на эти защищенные физические глаза не должен действовать, развивая их, внешний солнечный свет, так же и внешнее воспитание до смены зубов не должно воздействовать на формирование памяти. Мы все больше будем замечать, как в этом возрасте память разворачивается сама собой, если мы даем ей пищу и не подвергаем еще ее развитие воздействию извне. Так же обстоит и с теми свойствами, чьим носителем является астральное тело, в возрасте, предшествующем наступлению половой зрелости. Мы должны давать им пищу, но всегда при этом иметь в виду сказанное выше о том, что астральное тело находится под защитной оболочкой. Это - совершенно разные вещи - ухаживать до наступления половой зрелости за уже содержащемся в астральном теле зародышем развития и - подвергать после наступления половой зрелости ставшее самостоятельным астральное тело во внешнем мире тому, что оно в состоянии перерабатывать без защитной оболочки. Это - весьма тонкое различие; но не приняв его во внимание, можно не понять существо воспитания.